

На правах рукописи

ОВЧИННИКОВА Наталья Владимировна

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
СУДЕБНОГО ДИСКУРСА

10.02.19 — теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь - 2006

Работа выполнена на кафедре лингвистики и перевода Тульского государственного университета

Научный руководитель	доктор филологических наук, профессор М.Л. Макаров
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор В.А. Пищальникова кандидат филологических наук, доцент А.В. Преображенская
Ведущая организация	Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Защита состоится «___» _____ 2006 года в ___ часов ___ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, 170000 г. Тверь, ул. Желябова, 33, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, 42.

Отзывы можно направлять по адресу: Россия, 170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33, Тверской государственный университет, ученому секретарю.

Автореферат разослан «___» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

В.Н. Маскадыня

Настоящая работа посвящена описанию судебного дискурса как комплексного социокультурного явления на материале слушаний судебных заседаний.

Судебный дискурс представляет собой достаточно распространенное явление, ему присущи формализованная последовательность речевых ходов и разветвленная ролевая структура; институциональность и ритуализованность; необходимость следования сценарию проведения судебного заседания; регламентированность; публичность события, официальность; конвенциональность и стереотипность; информационная плотность.

Актуальность исследования обусловлена особым статусом судебного дискурса, его важной социальной ролью и недостаточностью систематического описания его лингвопрагматических и социокультурных особенностей. Лингвопрагматическое исследование судебного дискурса представляется особенно актуальным, поскольку практически вся деятельность судопроизводства конституирована коммуникативными действиями участников процесса. Отдельные попытки описать судебный дискурс предпринимались юристами, психологами, лингвистами, юрислингвистами (в частности, В.А. Пищальниковой, С.А. Александровым, Н.Д. Голевым).

Объектом исследования является судебный дискурс.

Предметом исследования выступили коммуникативно-прагматическая организация судебного дискурса, его структурные и стилистические особенности, а также его институциональные и ритуальные характеристики.

Цель исследования состоит в изучении коммуникативно-прагматических особенностей судебного дискурса в ходе комплексного интегрального анализа с учетом лингвистических, психологических, социальных и культурологических аспектов данного явления.

Поставленной цели подчинено решение следующих *задач* исследования:

- 1) выявить теоретический статус судебного дискурса как институционального типа дискурса и определить его характерные особенности;
- 2) выявить структурно-синтаксические и функциональные особенности судебного дискурса;
- 3) проанализировать социально-ролевые и коммуникативно-прагматические особенности судебного дискурса, в том числе в аспекте проявления ритуализации в речевой деятельности;
- 4) выделить и описать речевые стратегии свидетельских показаний.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней предпринята попытка комплексного подхода к изучению судебного дискурса (с точки зрения его семантики, синтактики и прагматики), уточняются коммуникативно-прагматические особенности судебного дискурса, углубляется понимание его социолингвистической природы.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии теории дискурса и теории институционального дискурса. Выводы данного исследования имеют значение для социолингвистики и прагматики речевой деятельности.

Практическая ценность работы определяется возможностью использования результатов исследования в общих и специальных курсах по теории языка, стилистике, теории речевых жанров, дискурс-анализу, а также в преподавании иностранных языков.

Решение сформулированных задач осуществлялось путем применения комплексной методики исследования. Определяющий *метод анализа* в данной работе – дискурс-анализ. Методики анализа включают в себя контекстуально-прагматическую интерпретацию, метод семантического анализа, элементы количественного анализа.

Материал исследования составили 4470 страниц протоколов судебных заседаний: полный транскрипт одного судебного разбирательства (Заседания подкомитета Сената США по расследованию антигосударственной деятельности ряда правительственных организаций); четыре других судебных заседания представлены фрагментально.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Судебный дискурс является статусно-ориентированным дискурсом, представляет собой тип институционального общения. Судебному дискурсу присущи официальные отношения между его участниками. Судебный дискурс имеет высокую степень конвенциональности и стереотипности.

2. Цель судебного дискурса состоит в восстановлении нарушенной нормы права; в восстановлении законных прав и интересов; в риторическом доказательстве «истинности» дискурсивной версии действительности, конструируемой каждой из сторон судебного процесса.

3. Судебный дискурс относится к комбинированному типу институционального дискурса «мягкий/жесткий»: одни интерактивные компоненты имеют жесткую структуру, другие допускают вариативность.

4. Основные коммуникативные стратегии свидетельских показаний могут быть слабой; сильной (инициативной); нарушающей нормы взаимодействия (включая нежелание сотрудничать); соответствующей сценарию (идеальной).

5. Основные приемы получения информации включают: демонстрацию конкретных предметов; использование смежной темы разговора; постановку мотивированных вопросов; создание обстановки привычной деятельности; создание неожиданных ситуаций; вызов на беседу путем формирования определенного психологического состояния в процессе общения.

Апробация работы осуществлялась на научных конференциях преподавателей кафедры лингвистики и перевода Тульского государственного университета (2002, 2003, 2004, 2005), на Всероссийской научной конференции «Языки и картина мира» (Тульский государственный университет, 2002), на Всероссийской научной конференции «Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики» (Тульский государственный университет, 2004); на научно-методических семинарах аспирантов. По материалам исследования опубликовано шесть научных статей общим объемом 2,1 п.л.

Основная цель и задачи исследования определяют структуру диссертационной работы, которая состоит из введения, трех глав, заключения, списка научной литературы, а также списка источников примеров. Библиография включает 167 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава "Лингвистические аспекты социологии дискурса" посвящена рассмотрению понятия *дискурс*. Под дискурсом понимается языковое выражение общественной практики в ее различных коммуникативных сферах; упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая социально-, идеологически-, культурно-, исторически обусловленная ментальность.

Возникновение и развитие теории дискурса и практики его анализа отвечает следующим тенденциям в лингвистике второй половины XX в.: стремлению вывести синтаксис за пределы предложения, разработке прагматики речи, подходу к речи как к социальному действию, интерес к речевому употреблению и субъективному аспекту речи, общей тенденции к интеграции гуманитарных исследований. Непосредственные истоки теории дискурса и методов его анализа следует видеть в исследованиях языкового употребления (немецкая школа П. Хартмана, П. Вундерлиха и др.), в социолингвистическом анализе коммуникации (американская школа Э. Щеглова, Г. Сакса и др.), в логико-семиотическом описании разных видов текста – французский постструктурализм (семиотические исследования в лингвистике – А. Греймас, Е. Ландовский и др.), в моделировании порождения речи в когнитивной психологии, в этнографии коммуникации в антропологических исследованиях. Истоки теории дискурса представлены в работах М.М. Бахтина.

С позиций социолингвистического подхода типы дискурса делятся на личностно-ориентированные и статусно-ориентированные. Статусно-ориентированные типы дискурса делятся в свою очередь на институциональные и неинституциональные. Судебный дискурс относится к статусно-ориентированному институциональному типу дискурса.

Во *второй главе* "Коммуникативно-прагматические и социальные характеристики судебного дискурса" судебный дискурс анализируется с позиций официальности, предварительной подготовленности, дейксиса, позиции, роли и статуса, рассматриваются институциональность и ритуализованность как его основные характеристики.

В судебном дискурсе понятие нормы выступает как основополагающее. Порядок проведения заседания в зале суда подвержен закрепленным нормам, равно как и речь представителей закона. Все участники судебного процесса обязаны следовать данным нормам, в противном случае, судья, выступающий в качестве регулятора судебного процесса, просит проявить уважение к суду.

Важнейшим элементом общества является социальный институт. Каж-

дый институт представляет собой устойчивую организованную структуру внутри общественной системы. Социальные институты обеспечивают практическую поддержку главных направлений человеческой жизнедеятельности, выполняя соответствующие цивилизационные функции организационно-управленческого и нормативно-регулятивного характера. Каждый институт, с одной стороны, обладает относительной самостоятельностью, а с другой - непременно вовлечен в деятельность социального целого, имея свои особенные функции, цели, задачи. С помощью социальных институтов нормы обретали действенность; закреплялись, приобретали характер единой действующей системы.

Человеческому поведению в целом свойственна ритуальность, осознаваемая лишь в случаях ее нарушения. Судебный дискурс характеризуется элементами ритуальности; ср. замечания судьи тем, кто нарушает закрепленные нормы поведения в суде.

Наиболее доступной формой исследования судебного разбирательства являются протоколы судебного заседания, которые как правило публичны. Судья контролирует диалог, ему принадлежит речевая инициатива; путем постановки вопроса он корректирует воспроизведение действительности свидетелем и направляет последнего в сторону интерпретации, которую судья считает наиболее близкой относительно случившегося.

С лингвистической точки зрения судебное заседание можно описать следующим образом: в зале суда имеет место официальное, деловое общение, которое предполагает конкретную предметную и информационную цель, в официальной коммуникативной ситуации. В судебном дискурсе имеет место обезличенное принудительное общение.

Судебному дискурсу присущи константы места (зал суда), события (судебное заседание), действия (слушание дела), субъекты (судья, адвокат, обвиняемый, свидетель). К судебному дискурсу можно отнести следующие коды.

1. Акциональный код (последовательность определенных ритуальных действий) – начало судебного заседания отмечается указанием участвующих в деле сторон; названием суда, в котором слушается дело; указанием точного времени и даты:

(1) The above-entitled matter came on for oral argument before the Supreme Court of the United States at 10:13 a.m.

APPEARANCES:

THEODORE B. OLSON, ESQ., Solicitor General, Department of Justice, Washington, D.C.; on behalf of the Petitioner.

JUDY RUBINOVITZ, ESQ., New York, New York; on behalf of the Respondent.

CHIEF JUSTICE REHNQUIST: We'll hear argument now in Number 01-1491, Charles DeMore versus Hyung Joon Kim.

Вердикт по рассматриваемому делу выносится судом присяжных после заслушивания аргументов каждой из сторон и зачитывается судьей.

2. Вербальный код (обряд содержит определенные словесные формулы):

(2) In this matter now in hearing, do you solemnly swear to tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth, so help you God?

3. Персональный код (действия совершаются определенными исполнителями и могут быть адресованы определенным лицам или персонажам) – вопрос о том, клянется ли человек говорить правду, относится к свидетелям, дающим показания в суде (см. пример (2)).

4. Локативный код (действия приурочены к ритуально значимым элементам внутреннего и внешнего пространства) – судебное заседание проводится в специальном зале, предназначенном исключительно для проведения судебных заседаний; судья сидит за столом, возвышающимся над остальными участниками судебного заседания; присяжные заседатели располагаются за столом, который находится перпендикулярно столу судьи, стороны обвинения и защиты противопоставлены друг другу не только идеологически, но и локативно – параллельно друг другу по правую и левую стороны от судьи.

Язык судебного дискурса стремится к тому, чтобы в содержательной структуре высказывания смысл был равен значению, то есть план содержания совпадал с коммуникативным смыслом. Интерпретативная деятельность должна в идеале сводиться к нулю. Судебному дискурсу присуща информационная плотность, стремление к отсутствию невербальной коммуникации, имплицитных высказываний, стилистических образов.

Судебный дискурс характеризуется официальными отношениями между его участниками. Под официальными подразумеваются отношения, закрепленные в рамках социально-значимых институтов общества.

Речевые партии свидетелей и обвиняемых организуют диалог в реплицирующем и нарративном режимах. Допрашивающий аппелирует к хронологической последовательности событий и к причинно-следственным связям.

В судебном дискурсе происходит «переключение» с мира повседневной жизни на мир судебного разбирательства. Переход из одной реальности в другую отмечен тем, что произносятся ритуальные реплики, инициирующие начало и конец судебного заседания, частично выражен в типизации совершаемых действий и форм, а также вербальной объективацией (а именно, словарным запасом – открытие и закрытие судебного заседания маркируются специальными словами):

(3) We'll hear argument now in...

Далее следует стандартная реплика о просьбе говорить правду перед судом и лицом Бога (см. пример (2)), которая произносится судьей перед показаниями каждого свидетеля, иногда за ней следует напоминание о несении юридической ответственности за дачу ложных показаний.

Затем судья спрашивает полное имя свидетеля, адрес, дату рождения. Вся эта информация имеется у судьи, он запрашивает подтверждение имеющихся у него данных, что имеет форму ритуала начала свидетельских показаний:

(4) Mr. FLANAGAN. What is your full name and your permanent address?
Mr. DUKE. Russell W. Duke. Unfortunately, I don't have any permanent address.
Mr. FLANAGAN. Is Russell W. Duke your legal name now?
Mr. DUKE. It has been for years, yes, it is my legal name.
Mr. FLANAGAN. Did you previously have another name?
Mr. DUKE. Yes.
Mr. FLANAGAN. What was that?
Mr. DUKE. D-u-t-k-o.
Mr. FLANAGAN. Where were you born?
Mr. DUKE. St. Clair, Pennsylvania.
Mr. FLANAGAN. What was your birth date?
Mr. DUKE. February 11, 1907.

Окончание, перерыв или возобновление судебного заседания также представлены ритуальными репликами:

(5) Senator DIRKSEN. The hearing is recessed subject to the call of the chair.
(6) Senator DIRKSEN. The hearing will resume, Mr. Cohn, you may proceed.

Приобщение к делу материалов следует установленному порядку:

(7) Senator DIRKSEN. The telegram will be identified for the record, and in its entirety will be inserted in the record, and counsel is privileged to read from it.

Протокол судебного заседания точно фиксирует процесс, включая все детали, в т.ч. время начала, перерыва и окончания судебного заседания:

(8) [Whereupon at 3:55 p.m., the hearing was recessed subject to call of the chair.]

В судебном дискурсе коммуниканты строго исполняют предписанную роль, определенную данным речевым жанром. Роли участников достаточно четко распределены, официальный социальный статус друг друга четко соблюдается. Допрос ведет определенное лицо, представляющее интерес суда.

Судебному дискурсу присущи формализованная последовательность речевых ходов и разветвленная ролевая структура: если кто-либо из представителей института суда намерен задать свидетелю дополнительный вопрос, он вынужден просить разрешения у лица, которое ведет допрос:

(9) Senator MCCLELLAN. May I ask two or three questions, and I have to go. I would like to ask you, Mr. Duke, how you became known as a tax public relations man, or government public relations man, to contact different agencies of government?

Стилистической особенностью судебного дискурса является запрет на эмоционально-оценочную речь. В следующем примере наблюдается отклонение от статусной коммуникации со стороны свидетеля, поэтому его переспрашивают, что он имел в виду, употребив разговорный оборот «a hell of a lot of money»:

(10) Mr. COHN. Let us do it this way: How much did you spend last year in government funds?

Mr. HEWITT. It is a hell of a lot of money.

Mr. COHN. How much is ‘a hell of a lot of money’?

Девиации от статусной речи наблюдаются не только со стороны свидетелей, но и со стороны лица, которое снимает свидетельские показания. В отличие от предыдущего примера статусной девиации, настоящий пример остается неотмеченным:

(11) MR. COHN. What was the particular assignment in the army that you had?

MR. REISS. I was - I taught pedagogy.

MR. COHN. You taught pedagogy in the army?

MR. REISS. Yes, sir.

THE CHAIRMAN. What the hell is that?

Слушание дела в суде можно назвать сложным речевым событием, так как это событие коллективного характера, планируемое, назначаемое, до определенной степени контролируемое, повторяющееся, которое может быть представлено в виде фрейма или сценария. Данному событию присущи публичность, официальность, которые обуславливают регламентированность и институциональность. Институциональность – определенный уровень социального контроля, который в судебном дискурсе реализуется разрешением или запретом что-либо говорить.

Судья является представителем нормы права, который олицетворяет институт суда. Он выслушивает стороны, представителей сторон, идентифицирует и квалифицирует деяние в соответствии с нормами права.

На монополию истинности претендуют судья и суд присяжных, поэтому характерной особенностью данного дискурса является принципиальное неравенство всех участников.

К дискурсивным формулам общения относятся принятые в суде клише и функционально-обусловленные обороты (см. примеры (1), (2)).

Ценности судебного дискурса сконцентрированы в его ключевом концепте истины и сводятся к уважению к фактам, к высокой оценке точности в формулировках, ясности и логичности. Данные ценности сформулированы в специальных кодексах.

Ситуация судебного заседания наделена многими ритуальными качествами, конвенциональна и вследствие этого может быть с полным основанием отнесена к разряду стереотипных или стандартных ситуаций, ситуаций с маркированным статусом, регламентированных ситуаций общения (М.Л. Макаров).

Роль в случае анализа общения в зале суда совпадает с позиционной ролью, то есть тем аспектом ролевой деятельности, который выполняет определенную социальную функцию. Статус определяется совокупностью постоянных социальных характеристик индивида. Статус соотносится со стратификационной вариативностью, а роль – с вариативностью ситуационной, если под переходом от одной ситуации к другой подразумевать переход от одного типа

деятельности к другому. Между ролью и статусом нет однозначного соответствия: одну и ту же роль могут исполнять разные люди с разными, несовпадающими постоянными социальными характеристиками, в то время как один человек исполняет разные роли, не меняя статуса. Ролевые и статусные отношения пересекаются, но все же они относительно независимы.

В системе коммуникативных переменных судебный дискурс можно описать следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1. Судебный дискурс
в системе коммуникативных переменных

1. Род или жанр разговора	Инсценированный
2. Пространственно-временные отношения	Общение «лицом к лицу»: одновременно и вблизи; опосредованное общение*
3. Состав участников разговора	Разговор в малой группе
4. Степень официальности разговора	Официальное общение
5. Социальные отношения собеседников	Ассимитричные**
6. Направленность коммуникативных действий в разговоре	Директивная, нарративная, аргументативная***
7. Степень знакомства собеседников	Незнакомые, чужие люди
8. Степень подготовленности коммуникантов	Тематически подготовленные
9. Фиксированность темы	Фиксированная тематическая область
10. Отношение общения к практической деятельности	Включенное в практическую деятельность

Пояснения:

* - в зале суда может происходить как прямое общение между коммуникантами, так и опосредованное (например, в виде письменных свидетельских показаний);

** - социальные отношения собеседников являются ассимитричными социокультурно (по отношению в данном социальном институте); профессионально (по должности, так как в данном социальном институте жестко прослеживается должностная дифференциация);

*** - направленность коммуникативных действий в разговоре обусловлена особенностями судебного дискурса: свидетеля побуждают отвечать на поставленные вопросы, призывая к гражданской и уголовной ответственности; в ходе свидетельских показаний свидетель восстанавливает картину обсуждаемых событий в нарративной последовательности; аргументация активно используется представителями сторон.

Всеобщую критику языка судебного дискурса вызывает его во многом архаичная лексика, архаичная морфология (*further affiant sayth not*), употребление которых, однако, является нормой; использование сослагательного наклонения, особенно в страдательном залоге (*be it known*), наречий *herewith*, *herein*, *hereof*, *thereunder*, *whereto*, *wherein*:

(12) Senator SYMINGTON. Let me ask you another question. Inasmuch as you were, in effect, purchasing a production article, why do you have a cost plus fixed fee contract?

Одной из характеристик языка судебного дискурса является употребление вводного предложения, которое разрывает подлежащее и сказуемое, что значительно затрудняет понимание сказанного.

(13) Mr. MATSON. He has the title "Dr." before his name. I don't know. I assume it is Ph.D. But on the file there appeared the statement that no FBI check—this file, going back to Mr. Toumanoff, shows that the file revealed that no FBI check was necessary, and it was crossed out.

Характерной чертой судебного дискурса в английском языке являются безличные конструкции, например, отсутствие местоимений первого и второго лица (*I, you*). Тенденцию судей использовать *the court* вместо *I* можно объяснить желанием создать впечатление объективности и обладания определенными полномочиями.

С целью придания точности и ясности после обозначения лица или объекта в судебном дискурсе используется повтор существительных вместо местоимений. Иногда местоимения вносят двусмысленность, поэтому использование данного метода оправдано:

(14) Mr. HUNT. Yes. There is one intervening figure, Mr. Toumanoff, who is acting head of the FSO section.

The CHAIRMAN. Mr. Toumanoff is your immediate boss?

Использование страдательного залога позволяет говорящему или автору написанного избежать точного указания источника произведенного действия, данная особенность в судебном дискурсе сохраняется даже тогда, когда источник действия указан:

(15) Mr. HUNT. They don't ask for them. When the selection board considers a certain class, those files are pulled, under my supervision, from the file room, and they are charged out to the selection boards; and we check in all files that we have received so that a proper control is kept, and transfer them physically to the cabinets in the selection board rooms.

Однако того же нельзя сказать о контрактах, где обязательства сторон указываются четко, как и сами стороны.

Лексика языка судебного дискурса содержит большое количество слов или устойчивых выражений формальных по стилю, или носящих характер ритуала. Так, например, свидетель использует выражение «not to my knowledge», когда не знает ответа на поставленный вопрос:

(16) Mr. WILLI. No, sir, not to my knowledge.

Когда свидетель пытается вспомнить необходимую информацию, но не полностью уверен в ее правдивости, он использует выражение «to the best of my knowledge» или «to the best of my knowledge and belief»:

(17) Mr. MORGAN. To the best of my knowledge and belief, no.

(18) Mr. DONOVAN. To my knowledge, I never knew him to the best of my knowledge. I recognized his name as a new name in my cognizance.

Одной из возможных причин такой особенности является необходимость отделить юридический процесс от обычной жизни. Языковой ритуал накладывает некие рамки, или границы, на событие судебного дискурса, сигнализируя его начало и конец.

В связи с изучением судебного дискурса в сфере анализа неизбежно попадает понятие "официальность". Эта категория фигурирует в разных отраслях языкознания: социолингвистике, стилистике, лингвистике текста, теории дейксиса и т.д. Наиболее часто упоминаются такие признаки официальной речи, как структурированность, синтаксическая, лексическая и фонетическая тщательность, отличия в скорости и объеме (медленнее и больше), высокий уровень когерентности, особый тип мены коммуникативных ролей и т.п. Соответственно, "неофициальной" речи свойственны противоположные признаки: меньшая структурированность, эллипсис, повторы слов в поисках нужного, хезитации, быстрота и т.п. Официально-деловой стиль, к которому относится судебный дискурс, отличается безличностью, точностью, беспристрастностью, корректностью.

Во многом названные признаки охватываются понятием предварительной подготовленности речи или дискурса – своего рода психологического коррелята ситуационного измерения формальности. Предварительная подготовленность дискурса имеет два аспекта: предварительное обдумывание, планирование и организация языкового материала для оптимального выражения идей. Текст, подвергшийся предварительному планированию, приобретает многие качества именно письменного текста, пусть реализуемого посредством чтения.

Таким образом, в данной работе принимается широкое понимание термина "официальность", подразумевающего наличие в текстах, используемых коммуникантами в интеракции, ряда признаков, характеризующих данную интеракцию как официальную. Эти признаки, будь они стилистической, семантической или другой природы, реализуют в процессе использования языка регламентную функцию (М.Л. Макаров). В деятельности языкового общения, помимо информации, составляющей денотативно-когнитивный его аспект, кодируется "вторичная" информация об уровне официальности этого общения, о социально-психологическом состоянии говорящего, его оценке ситуации в целом и т.п. Этот аспект по праву считают индексальным, а закономерности представления индексальной информации в коммуникации подлежат изучению в теории дейксиса.

Дейксис текста или дискурса оказывается релевантным для изучения судебного дискурса. Категория официальности, обуславливающая предварительную подготовленность текста, предполагает "стандарт когерентности" (С.Ж. Fillmore), который отмечен использованием элементов дейксиса текста.

Однако решающее значение для отображения уровня официальности имеет социально-дейктическая информация двух видов – относительная и абсолютная. К первому относятся сигналы о четырех отношениях говорящего: к референту, адресату, присутствующим и обстановке. В отличие от первых трех отношений, прочно увязанных с координатами дейктического центра, четвертое ведет к понятию типа деятельности и уровня официальности, рассматриваемых в отношении к ситуации и ролям всех участников общения. Это измерение относительной социально-дейктической информации можно с уверенностью назвать регламентным. Именно в соотношении деятельности и ролевой структуры организации следует искать исходный уровень официальности – степень регламентированности языкового общения. Абсолютная социально-дейктическая информация имеет ярко выраженный прагматический характер, так как в ее фокусе оказываются специфические деятельностные роли коммуникантов.

Помимо обращений и номинаций, содержащих индексальную информацию о распределении ролей, уровень коммуникативной, социальной дистанции соотносится и с определенными стилевыми чертами. Судебный дискурс устанавливает наибольшую дистанцию. Силевые черты судебного дискурса во многом совпадают с качествами предварительно подготовленного текста. Такой текст, в свою очередь, обладающий признаками (хотя бы некоторыми) письменной формы, сам по себе является индексом высокого уровня официальности, демонстрируя повышенное внимание говорящего к лингвистической выраженности и оформленности своего послания. К разряду таких текстов относится ораторская речь в судебном дискурсе. В связи с этим вызывает оправданный интерес анализ признаков официального, предварительно подготовленного дискурса. Во многом они совпадают с признаками письменного текста.

Характерными признаками судебного дискурса являются синтаксическая сложность, большой объем соответствующих лингвистических единиц, например, длина предложения (а значит, и более размеренный темп), с несколькими придаточными предложениями с большим "удельным весом" подчинительных отношений, – все это подтверждается статистически. Определены соотношения простых, сложносочиненных, сложноподчиненных предложений и предложений, имеющих два и более придаточных предложения с разными типами синтаксической связи. Показатели судебного дискурса сравниваются с аналогичными показателями публицистического дискурса.

Приведенные цифры показывают, что большое место занимают либо сложноподчиненные предложения, либо предложения с двумя и более придаточными (см. табл. 2).

Таблица 2. Статистика сложных и простых предложений в судебном и публицистическом дискурсе (в %)

Предложения	Судебный дискурс	Публицистический дискурс
Простые	21	36,9
Сложносочиненные	13,3	14,8
Сложноподчиненные	25,4	44,4
С двумя или более придаточными предложениями	40,3	3,7

Следует отметить, что простые предложения в судебном дискурсе очень часто осложнены причастными оборотами, иногда сразу несколькими. Учесть эти нюансы помогают сведения о средней длине соответствующих типов предложений, а также общей средней длине предложения (по количеству слов, подсчитывались все слова без разделения на служебные и знаменательные части речи) (см. табл. 3).

Таблица 3. Статистика длины предложений в судебном и публицистическом дискурсе (в %)

Предложения	Судебный дискурс	Публицистический дискурс
Простые	20,9	14
Сложносочиненные	20,8	21
Сложноподчиненные	22	14,6
С двумя или более придаточными предложениями	60,6	30,6
Общая средняя длина предложения	31,08	20,05

Еще одно статистическое исследование демонстрирует соотношение активных и пассивных конструкций (см. табл. 4).

Таблица 4. Соотношение активных и пассивных конструкций в судебном и публицистическом дискурсе (в %)

Конструкции	Судебный дискурс	Публицистический дискурс
Активные	77	90,9
Пассивные	23	9,1

Наличие довольно большого числа пассивных конструкций позволяет избегать прямого приписывания агентивности в судебном дискурсе.

Судебному дискурсу присуща большая общая средняя длина предложений. Понятно, что скорость речи с такой длиной единиц не может быть высокой, к тому же наличие большого числа сложных предложений обуславливает повышенную структурированность дискурса, паузы внутри отдельных сложных реплик – коммуникативных ходов.

В *третьей главе* "Коммуникативные стратегии в судебном дискурсе" описываются стратегии свидетелей и лиц, снимающих свидетельские показания. В этом аспекте рассматриваются такие понятия, как императивность норм и вариативность. Коммуникативный выбор способа реализации того или иного речевого акта и даже самого факта его реализации является функцией от типа деятельности, ролевых и статусных соотношений коммуникантов. Принцип приоритета регламента состоит в том, что в регламентных типах деятельности (или деятельностных ситуациях регламентного типа) определяющими становятся ролевые отношения, в том числе подчинение, а статусные – нейтрализуются, иногда полностью. По мере роста императивности регламентных норм уменьшается число возможных альтернативных форм, что порой приводит к полной детерминации единственного варианта. Наибольшая вариативность принадлежит сфере равноположных симметричных отношений в нерегламентных типах деятельности, наименьшая вариативность – сфере разноположных (в регламентных типах деятельности) отношений.

Регламентное нормирование касается многих типов речевых актов. Практически все речевые произведения судьи обусловлены пресуппозицией его социальной роли и интерпретируются с учетом этой пресуппозиции, вскрывающей одно из условий успешности его речевых актов, а именно, его полномочность, основанная на институциональном "разделении труда" в суде. Речевые действия отдельных выступающих также несут пресуппозиционный "багаж" и, прежде всего – о ролевом аспекте социальных отношений.

Для выступающих фактор адресата слит воедино с предписываемым регламентом содержанием нормы, через нее пресуппозиция ролевых отношений "судья – участники судебного заседания" становится регулятивом речевой деятельности. В случаях адресации к конкретному участнику судебного заседания фактор адресата индивидуализируется, но присутствие регламентной нормы "переходит" в фактор слушателя, не менее императивный. Так или иначе, ролевые отношения говорящего и, прежде всего, сама его роль участника судебного заседания, имманентно предполагающая другие роли позиционной структуры фрейма судебного заседания, определяют специфику его коммуникативной деятельности.

Тип отношений "участник судебного заседания – суд" можно также назвать разноположным, здесь действует механизм подчинения (в широком смысле): имея адресатом или слушателем институциональную организацию "суд", членом которой говорящий является сам, последний чувствует себя в

социально-психологическом плане подчиненным этой организации с ее нормами, то есть подчиненным своему адресату или слушателю, что, естественно, сужает круг возможных альтернатив коммуникативного выбора.

Обращение в зале суда является маркером повышенной социальной дистанции, формальности обращения:

(19) MR. GABORIAULT. *Gentlemen, if I felt he had furnished a false alibi, I would have brought him back and given him the job.*

(20) MR. COHN. *From whom did you get that knowledge, Mr. Seaten?*

(21) SENATOR MUNDT. *What is your address, sir?*

В условиях состязательности судебное дело может часто выиграть не тот, кто прав по существу, но тот, кто искуснее владеет словом, то есть тот, кто находит и успешно применяет языковую стратегию, адекватную поставленной цели.

Межличностное общение в условиях судебного дискурса характеризуется повышенным контролем общающихся лиц, определенной психологической напряженностью, повышенным уровнем тревожности, активной рефлексивной деятельностью.

Психологическое состояние человека, который снимает свидетельские показания, обусловлено его социально-ролевым статусом, личностно-профессиональными качествами, информационной вооруженностью по данному делу, ситуативными воздействиями.

С целью выделения конкретных приемов, с помощью которых осуществляется побуждение к передаче информации работнику юридического труда, был проведен интерпретативный анализ эпизодов свидетельских показаний, в результате чего было выделено четыре коммуникативные стратегии свидетельских показаний:

- 1) слабая;
- 2) сильная;
- 3) нарушающая нормы взаимодействия;
- 4) соответствующая сценарию ("идеальная").

Тактика проведения допроса свидетелей часто влияет на манеру свидетелей давать показания, так как психологическое давление, испытываемое свидетелями, в значительной степени влияет на их речевое поведение. Люди подсознательно относятся к суду как к месту, где неприемлемы обычные манеры поведения. Ритуал и особый язык вызывают у людей благоговение, подобное тому, которое испытывают в церкви. Необходимость исследования данного языкового явления вызвана тем, что свидетельские показания в существенной степени влияют на мнение присяжных.

Проведенное исследование позволило дать обобщенное описание судебного дискурса, выделить коммуникативные стратегии участников судебного дискурса. В *заключении* подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективные пути развития данного направления на междисциплинарном уровне.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

1. Овчинникова Н. В. Жанровые особенности судебного дискурса // Известия Тульского государственного университета. Серия филологические науки. – Тула : Изд-во ТулГУ, 2005. – С.104-108.

2. Овчинникова Н. В. Коммуникативно-прагматические особенности судебного дискурса и языковая личность // Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики: Материалы Всероссийской научной конференции. – Тула : Изд-во ТулГУ, 2004. – С.202-205.

3. Овчинникова Н. В. Лингвистические особенности судебного дискурса // Язык и текст в парадигмах науки и культуры. Сб-к научных трудов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2005. – С.100-105.

4. Овчинникова Н. В. Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в судебном дискурсе // Деп. В ИНИОН РАН. – Тула : Тул. гос. ун-т, 2003. – 7 с.

5. Овчинникова Н. В. Судебный дискурс и язык судопроизводства // Деп. В ИНИОН РАН. – Тула : Тул. гос. ун-т, 2003. – 7 с.

6. Овчинникова Н. В. Язык судопроизводства как субъязык // Известия Тульского государственного университета. Серия филологические науки. – Тула : Изд-во ТулГУ, 2004. – С.130-133.